

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 30-го Октября 1905 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 8612

Трилистникъ съ пятью лепестками.

René Bazin

de l'Académie française.

(Переводъ съ французского).

— Съ четырьмя лепестками онъ довольно часто встречается, и, прибавлю, такая находка не имѣетъ большого значенія. Ваши соотечественники, которые дѣлаются, подобно намъ, немного суевѣрными, напрасно смотрѣть на него, какъ на porte bonheur. Никогда трилистникъ съ четырьмя лепестками не принесъ никому счастья. Вы можете повѣрить въ этомъ итальянкѣ.

— А трилистникъ съ пятью лепестками, графиня?

— О! это совсѣмъ дѣло другое!

Она засмѣялась властнымъ смѣхомъ, прелестъ которого состояла въ красотѣ полураскрывшагося, точно изваяннаго, рта, въ гармоніи голоса, въ блескѣ ея лица и въ контрастѣ между его чертами, полными жизнерадостности, и выраженіемъ глазъ, которые были влажны, точно передъ слезами, и въ которыхъ просвѣчивалась ея меланхоличная, гордая и гдѣто далеко витающая душа.

— Тотъ, кто найдетъ его, можетъ считать себя счастливымъ.

Первый, кто хорошо будетъ искать его, повѣрте мнѣ, найдетъ его.

Но какая рѣдкость найти такое растеніе! Оно встречается только въ двухъ или трехъ небольшихъ уголкахъ міра, на Монте-Гаргано, въ Италии, въ одной долинѣ въ Тиролѣ, и на опушкѣ лѣса, находящагося недалеко отсюда.

— А какъ онъ называется?

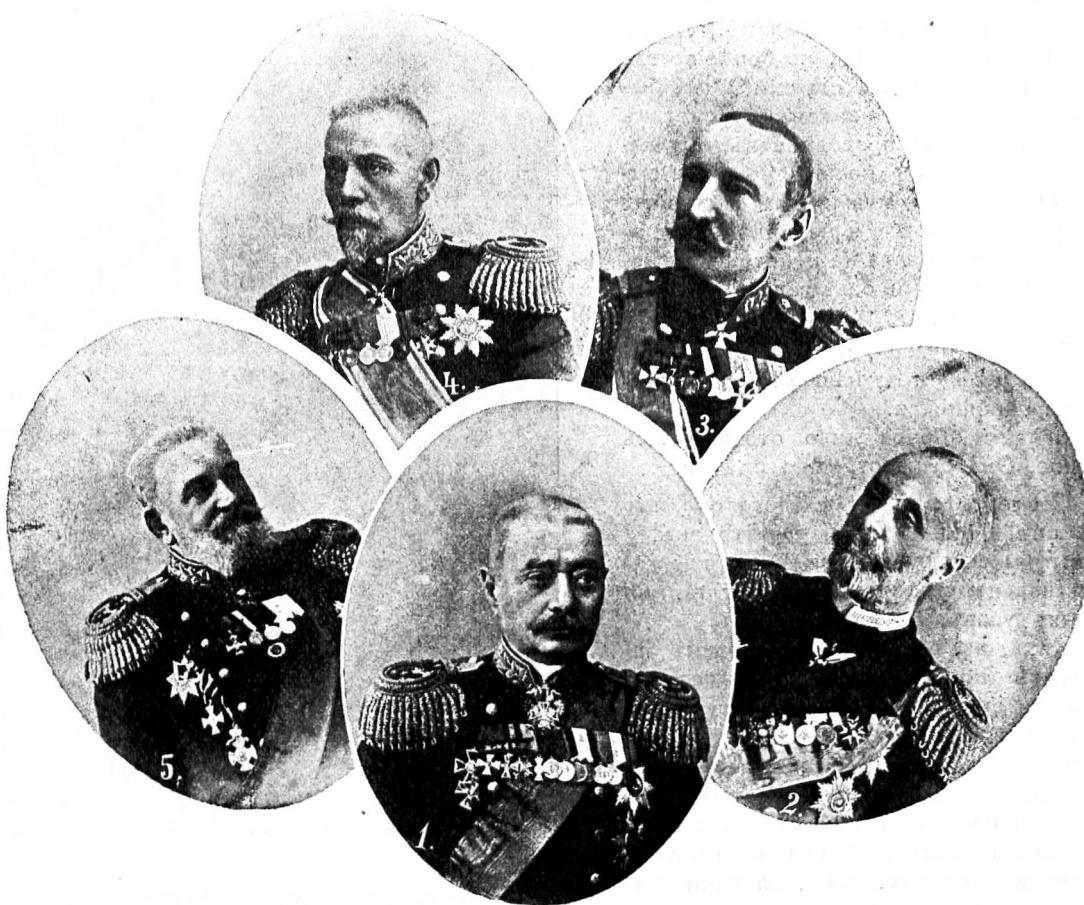
— У него нѣтъ названія, насколько я знаю, но гора называется горой Гнѣва. Если я рѣшусь взобраться на нее, я предупрежду васъ, и вы поможете мнѣ въ поискахъ. Но только не говорите объ этомъ ничего Джузеппе Бутти. Я ненавижу его.

Другъ, который передалъ мнѣ этотъ отрывокъ разговора, происходившаго въ салонѣ одного отеля въ Шамбери, прибавилъ:

— Вы не можете себѣ представить болѣе блестящаго и болѣе плѣнительного созданія, чѣмъ эта молодая дѣвушка. Она была высока, стройна и, очевидно, привыкла съ дѣтства къ легкой побѣдѣ надъ всѣми проходящими, такъ какъ всѣ обирались, чтобы проводить ее глазами, и она не казалась отъ этого ни смущенной, ни польщенной. Ей было двадцать пять лѣтъ. Ея сестра, немного моложе ея и ниже ростомъ, такая же красивая, но красотѣ которой недоставало блеска, казалась плохой копіей старшей.

Ее замѣчали такъ же, какъ тѣнь отъ прекраснаго предмета.

Эти двѣ молодыя дѣвушки прїѣзжали каждый годъ въ Савойю со своей матерью. Онѣ отлично говорили по-французски. Онѣ любили горы Э и Шамбери, но сожалѣли и внутренно негодовали на исторію, съ гордостью, которую онѣ наслѣдовали отъ воинственной піемонтской, рабы, связанный со многими савойскими фамиліями, за то, что теперь онѣ отдѣлены границей отъ прежней провинціи и прежняго родства. Въ сентябрѣ этого года онѣ, по обыкновенію, прїѣхали въ Ан-

Слѣдственная комиссія

о боѣ 28 июля 1904 года между 1-ю эскадрою Тихаго океана и японскимъ флотомъ.

1) По срединѣ внизу предсѣдатель комиссіи членъ адмиралтейства-совѣта вице адмиралъ И. М. Диковъ, члены: 2) по лѣвой руку предсѣдателя—начальникъ главнаго гидрографического управления вице-адмиралъ Я. А. Гильдебрандтъ, 3) надъ нимъ—бывшій предсѣдатель морскаго техническаго комитета генералъ-адъютантъ Ф. В. Дубасовъ, 4) рядомъ нынѣшній Морской Министръ А. А. Бирилевъ и 5) ниже его временный главный командиръ Балтійскаго флота и портовъ вице-адмиралъ К. П. Никоновъ.

Позднѣе въ составъ слѣдственной комиссіи были назначены еще: контроль-адмиралъ баронъ Штадельбергъ, флагель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга Дабичъ и прокуроръ кронштадтскаго военно-морскаго суда полковникъ Александровъ.

(Изъ „Лѣтописи Войны“).

неси, потомъ въ Э, потомъ въ Шамбери. Онѣ очень мало жили въ отелѣ, и я замѣтилъ стараніе, съ которымъ графиня Лаура избѣгала поклона и встрѣчи съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ изъ очень хорошаго флорентинскаго рода, графомъ Джузеппе Бутти, человѣкомъ приблизительно сорокалѣтнаго возраста, немного тяжелымъ, болѣзnenнымъ, у котораго ясно виднѣлось страданіе, причиненное презрѣніемъ молодой дѣвушки.

Иногда это страданіе прорывалось и выражалось въ жестѣ руки, которая отдергивалась, какъ бы раненая, или же, наоборотъ, протягивала свои сжатые продолговатые пальцы, какъ будто изъ нихъ должны были вырваться лучи, чтобы поразить непріятеля. Его руки говорили за него, и онѣ были разумны, гибки и опасны, безъ сомнѣнія, для той, которая понимала ихъ языкъ, такъ какъ графиня Лаура, какъ ни была она надменна, сдержанна и какъ ни умѣла владѣть собой, все-таки боялась смотрѣть на нихъ, какъ боялась встрѣчаться съ взглядомъ графа Джузеппе Бутти. Разсказывали, что послѣдній, страстно влюбленный въ молодую дѣвушку, получивъ отъ нея высокомѣрный отказъ, мстилъ ей, преслѣдуя ее своимъ благоговѣніемъ и бесполезными упреками,

— Онъ причиняетъ ей много непріятностей, сказала мнѣ однажды утромъ ея мать, отведя меня въ уголь комнаты, и

я боюсь, чтобы чего-нибудь не случилось. Съ ея красотой, она отвергаетъ всѣ представляющіяся ей партіи, не только съ самыми богатыми, но съ самыми молодыми, съ самыми влюбленными, таіія партіи, которая уже ей не представляется, когда она постарѣеть. А она скоро начнетъ старѣть. Несмотря на свою видимую холодность, она безконечно впечатлительна. Она считаетъ себя подъ злымъ вліяніемъ этого человѣка; она уверена, что ее постигнетъ печальная судьба, ее и ея мужа, котораго бы она избрала, если она выйдетъ замужъ раньше, чѣмъ вырвется изъ этого заколдованныхъ круга. Мы всѣ болѣе или менѣе суевѣрны... Не смѣйтесь надъ тѣмъ, что я скажу вамъ... Она ищетъ трилистникъ съ пятью лепестками, какъ талисманъ, обладающій высшимъ могуществомъ. Если она найдетъ его, она спасена. Я знаю ее; она не будетъ тогда испытывать этого страха, который владѣетъ ею теперь и который можетъ ее довести... Въ самомъ дѣлѣ, я иногда думаю, что она сможетъ, несмотря на ненависть къ нему, уступить настойчивости, таинственной силѣ этого человѣка, котораго мы никогда не называемъ по имени, выйти за него замужъ и покориться, какъ неизбѣжному року, своему и нашему несчастію... Послѣ завтра мы поднимемся на эту гору... Напомните-ка мнѣ ея название?

— Гора Гнѣва.

— Да, поѣдемте съ нами, хоть бы намъ удалось найти это рѣдчайшее растеніе, которое мы тщетно искали на всѣхъ склонахъ и скалахъ Гаргано!...

Черезъ денѣ мы поѣхали по желѣзной дорогѣ изъ Шамбери въ Кюлоцъ. Лаура была такъ же прекрасна, но болѣе весела чѣмъ обыкновенно. На станціи Э, гдѣ была масса путешественниковъ, туристовъ и подозрительныхъ проводниковъ, она высунула голову въ окно вагона и описывала мнѣ костюмы мужчинъ и женщинъ.

Ея улыбка, которой я не видѣлъ, привлекала и задерживала на мгновеніе взгляды проходившихъ и освѣщала ее мимолетной радостью.

— Если ты будешь показываться, сказала младшая сестра, наше отдѣленіе сей-часъ же наполнится.

Не отвѣчая, Лаура живо отодвинулась отъ окна. Она была страшно блѣдна.

— Посмотрите туда, сказала она, это опять онъ! Увѣряю васъ, что это онъ!

Я выглянула, но я не видѣлъ ни легкаго, нѣсколько сгорблннаго силуата, ни свѣтлыхъ усовъ, которыхъ искалъ.

— Нѣтъ, вы ошиблись. Мы будемъ одни, черезъ полчаса, на дорогѣ, которая ведетъ къ этому священному лѣсу.

Она повѣрила мнѣ и повеселѣла. И дѣйствительно, когда мы сошли въ Кюлоцъ, никто не направился одновременно съ нами по дорогѣ къ горѣ Гнѣва. Наша коляскаѣхала быстро; съ правой стороны на нижнихъ склонахъ горъ, дремали деревушки, а на равнинѣ съ лѣвой стороны косари съ косами, криками и повозками вслугивали перепелины выводки, которые вскакивали и убѣгали, прижимаясь къ спѣлой травѣ.

Въ два часа пополудни мы были недалеко отъ вершины горы въ рощѣ, которая не заслуживаетъ еще названія лѣса, такъ какъ состоятъ изъ различного рода дико растущихъ деревьевъ и кустарниковъ. Но отдельные и растущія группами елей уже возвышались надъ орѣшниками и чахлыми дубами. Я пошелъ впередъ съ графиней Лаурой; младшая сестра и мать шли на нѣсколько шаговъ сзади насъ. Дороги не было. Мы шли то по тропинкамъ, пропотаннымъ дровосѣками; то по высокшему руслу одного ихъ быстро исчезающихъ весеннихъ ручьевъ. Мы поднимались медленно, и чѣмъ болѣе мы подвигались впередъ, тѣмъ болѣе я чувствовалъ, какъ этихъ трехъ женщинъ беспокоитъ и владѣетъ ими одна и та же мысль. Лаура одна признавалась въ своемъ все увеличивающемся волненіи. Другія наклонялись во время ходьбы, отстранили вѣтви, временами разматывали мхи, гдѣ цвѣли еще безчисленные альпійскіе цветы, и выпрямлялись, стараясь улыбаться. Онъ ничего не находили. Я думалъ о вѣроятномъ неуспѣхѣ этого путешествія; о суетѣ этихъ трехъ пылкихъ натуръ и о скрытой серьезной ранѣ, которую, между тѣмъ, могъ бы вылечить маленький земельный листикъ.

— Мы можемъ найти его только на границѣ весеннихъ снѣговъ, говорила Лаура, въ области елей. Онъ такъ нѣженъ, что малѣйший вѣтерокъ ломаетъ его, и такъ боится солнца, что его убиваетъ единственный лучъ. Поднимемся выше.

Мы скоро дошли до старого ельника, и золотистыя колонны вырисовывались подъ мрачными сводами. Свѣтъ падалъ сбоку, освѣщая склоны, и бросалъ подъ этотъ куполъ яркія блестки.

Въ гостяхъ у японцевъ.

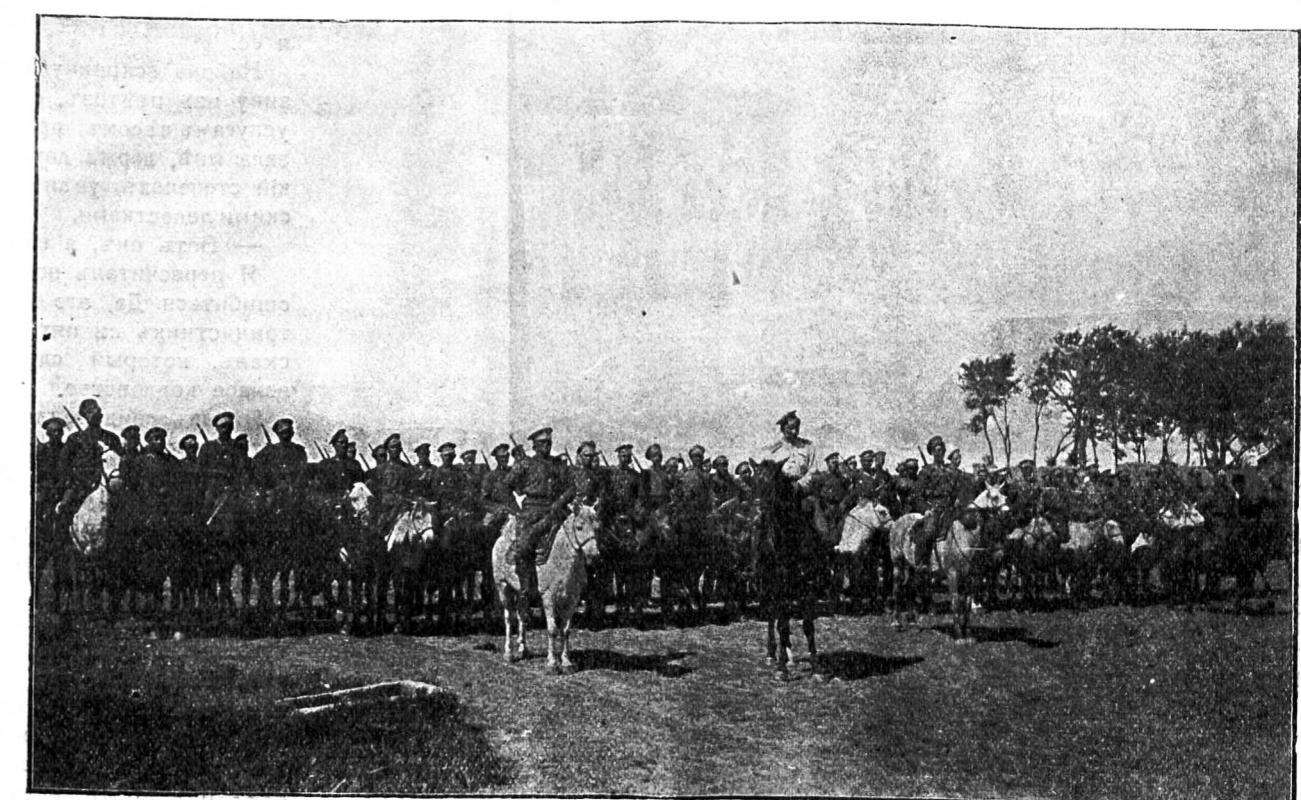
На второй день перемирия, 4-го сентября, на второй японской заставѣ за деревней Модятунъ, русские офицеры конныхъ командъ: капитанъ Муромцевъ (стоитъ слѣва) Пензенского полка, Джелатъ-Бенъ-Султанъ-Новъ, поручикъ Козловскаго полка, Сычевскій, прaporщикъ Пензенскаго полка, японскій капитанъ Ипеда-Мони (въ черной курткѣ) изъ Каназавы, поручикъ Пензенскаго полка Воротниковъ. Сидятъ: врачъ Пензенскаго полка Малышенко и японскіе солдаты, стоять выше всѣхъ у лошади поручикъ Воронежскаго полка Горчава.

(Отъ нашего корреспондента).

Тѣ же лица вокругъ японскаго капитана.

(Отъ нашего корреспондента.)

Конная охотничья команда Козловскаго полка.

(Съ фотографіи поручика Коломійцева.)

Офицеры 1-го баталіона Пензенскаго полка.

1) Командиръ баталіона подполковникъ Ковалевский, 2) подпоручикъ Трофимовъ, 3) поруч. Мунашевский, 4) штаб.-кап. Коноваловъ, 5) поруч. Янушевичъ, 6) поруч. Феонари, 7) прapor. Ганю, 8) поруч. Шафрановъ, 9) капр. Мурланцевъ, 10) шт.-кап. Давиденко, 11) прapor. Путинцевъ, 12) заурядъ-прapor. Марголинъ, 13) подпоруч. Шенъ и 14) заурядъ-прapor. Еременко.

(Съ фотографіи поручика Коломійцева.)

Главнокомандующий генерал-отъ-инфanterіи Линевичъ раздаетъ кре-
сты военного ордена рядовымъ Козловскаго полка.

(Съ фотографіи поручика Коломійцева.)

Субботинъ, командръ „волчьей сотни“,
въ отрядѣ генерала Ренненкампфа, вскорѣ послѣ возвращенія съ
разведокъ и четырехдневнаго пребыванія въ центрѣ непріятеля.
(Изъ „Лѣтописи Войны“ по рисунку Н. Самокиша.)

Мы раздѣлились подъ тѣмъ предлогомъ, что такимъ образомъ увеличиваются наши шансы на находку, но на самомъ дѣлѣ потому, что намъ всѣмъ было очень тяжело обмануться въ нашихъ надеждахъ. Трилистники попадались рѣдко, и ни у одного изъ нихъ не было не только пяти лепестковъ, но даже четырехъ. Но зато въ этомъ лѣсу встрѣчались интересные вещи.

— Пойдите, посмотрите! сказалъ я Лаурѣ.

Она подошла. На склонѣ передъ нами чудовищный корень ели раздѣлялся на два изогнутые столба, которые образовали какъ бы арку и углублялись въ землю. Дерево было срублено уже давно,

такъ какъ дождь и снѣгъ проникали до самой сердцевины, и это могущественное сооруженіе было слѣдано изъ мертвыхъ разъединенныхъ волоконъ, на половину превращенныхъ въ пыль, и его поддерживали только нѣсколько болѣе крѣпкихъ вѣтвей и остатки коры. Но этотъ кусокъ развалившагося дерева питалъ цѣлое царство болѣе скромныхъ растеній: лишай, мхи, грибы, цвета локрицы, присосавшіеся къ дереву, другіе мышинаго цвета, снизу бѣлые, держались на длинныхъ стебляхъ, наклонившихся къ свѣту, желтая отцвѣтшая лилія внизу, дикія герани въ углубленіяхъ, наконецъ, на той части ели, где нѣкогда прошелъ топоръ, произрасли различныя сѣмена и ростки.

занесенные вѣтромъ, шампиньоны, безвременный цвѣтъ, земляника, малина, злаки, папоротники; здѣсь смѣшивались всевозможные оттѣнки и самыя разнообразныя растенія.

— Развѣ это не прекрасно? спросилъ я ее.

Но она вскрикнула, бросилась на корзину изъ цвѣтовъ, предложенную къ ея услугамъ пѣсомъ, протянула руку и показала мнѣ, держа двумя пальчиками, тонкій стебелекъ, увѣнчанный пятью плоскими лепестками.

— Вотъ онъ, я нашла его! Мама!

Я пересчиталъ во второй разъ, боясь ошибиться. Да, это былъ, дѣйствительно, трилистникъ съ пятью лепестками, талисманъ, который сдѣлаетъ безвреднымъ всякое колдовство.

Я былъ свидѣтелемъ сцены со слезами потомъ услышалъ радостную пѣснь, вылившуюся изъ трехъ душъ.

Возвращеніе было полно грезъ, которыя каждый создавалъ по отношенію къ одному и тому же существу, любимому и властному.

Въ ту минуту, когда мы уходили оттуда, гдѣ Лаура нашла свое сокровище, мнѣ показалось, что я вижу въ лѣсу тѣнь человѣка. Но, онъ или спрятался или удалился сейчасъ же, такъ что я даже ничего не сказалъ своимъ спутницамъ объ этомъ незначащемъ происшествіи.

— Что меня особенно восхищаетъ, говорила молодая дѣвушка, когда мы спускались съ горы, это то, что соблюденіе всѣхъ условій для того, чтобы могущество этого растенія было ненарушимо и непобѣдимо: это я увидѣла трилистникъ съ пятью лепестками, я сорвала его и, конечно, никто раньше насъ не прошелъ по этой отдаленной части лѣса съ „дурнымъ глазомъ“, что, по счастью, встрѣчается рѣдко.

Она вложила трилистникъ въ хрустальный медальонъ, висѣвшій у нея на шее на золотой цѣпочкѣ.

Все время, пока мы возвращались домой, я думалъ: „Она исцѣлена“.

Мнѣ теперь припоминается столовая отеля, куда мы вечеромъ явились съ запозданіемъ. Графиня Лаура очутилась за столомъ почти напротивъ графа Бутти. Въ первый разъ она не старалась избѣгать его взглядовъ и даже, казалось, вызывала его. Я вижу высокомѣрную физіономію этого итальянца со свѣтлыми усами и пристальнымъ взглядомъ. Я вижу его губы, открывшіеся, чтобы тихо сказать: „Графиня Лаура, я былъ тамъ, когда вы сорвали цвѣтокъ счастья“. Я вижу, какъ всѣ въ столовой поднялись со своихъ мѣстъ, а молодую дѣвушку отнесли безъ чувствъ въ ея комнату.

З. Д.

ЦИНКОГРАФІЯ
„Южного Края“
Харьковъ, Сумская, 13,
принимаетъ воевозможнаго рода
заказы на клише.